

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ
БАЛЛАДЫ Х. БОТЕВА «ХАДЖИ ДИМИТР»**

Ганна А. Широкова

*Пермский государственный национальный
исследовательский университет
г. Пермь, Россия*

Keywords: Hristo Botev, Hadzhi Dimitar, ballad, poetic translation, expressive language means.

Summary: The article considers the Russian and English translations of Bulgarian poet Hristo Botev's ballad "Hadzhi Dimitar". It aims to compare the original text to its translations as well as several translations to each another in order to identify linguistic and expressive means.

Ключевые слова: Христо Ботев, Хаджи Димитр, баллада, поэтический перевод, художественно-выразительные средства.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению переводов баллады болгарского поэта Христо Ботева «Хаджи Димитр» на русский и английский языки. В основе лежит не только сравнение оригинала с переводом, но и нескольких переводов между собой с целью выявления языковых и художественных особенностей.

Проблема осмысления и перевода художественных текстов – один из ключевых вопросов, которыми занимаются не только лингвисты, но и литературоведы. Прежде чем приступить к переводу, необходимо иметь представление как о творчестве автора в целом, так и о конкретном произведении, его проблематике и образах, так как формальное копирование – так называемый дословный перевод – зачастую приводит к распаду художественного единства. Таким образом, вопрос о переводческой манере всегда затрагивает верное истолкование оригинала, которое позволило бы помимо языковых элементов передать заложенный в произведение общий смысл, идею, настроение.

Воссоздавая действительность, описанную автором в определенной стилевой форме, на другом языке, переводчик должен

тонко чувствовать нюансы стиля, обладать особым языковым и литературным «слухом», чтобы сохранить богатство и чистоту первоисточника (Кашкин, 1977; Вопросы теории художественного перевода, 1971). В особенности это касается переводов поэтических текстов, традиционно представляющих для специалистов бóльшие затруднения, нежели проза.

В данной статье предпринята попытка описать специфику творческого перевода и провести сравнительный анализ нескольких переводов одного и того же поэтического текста. В качестве объекта изучения выбрана баллада «Хаджи Димитр» (болг. «Хаджи Димитъръ»), написанная болгарским поэтом и революционным деятелем Христо Ботевым в 1873 г., и ее поэтические переводы на английский и русский языки¹.

Характеризуя творчество автора, необходимо упомянуть, что произведения Христо Ботева (1848–1876) по праву считаются вершиной болгарской поэзии XIX в. (Караиванов, 2011: 7). Всю свою недолгую, но яркую жизнь поэт посвятил делу борьбы за независимость родины и социальное раскрепощение народа, будучи убежденным революционером-демократом, сторонником дружбы болгар с русским и другими свободолюбивыми народами, талантливым руководителем национально-освободительного движения против Османской империи в период его наивысшего подъема.

Стихотворения и публицистика Х. Ботева вошли в сокровищницу национальной культуры Болгарии. Неудивительно, что 2 июня – в день гибели Ботева – ровно в полдень вся страна замирает: проходит минута памяти этого героя. В дни государственных праздников, когда называют имена павших за свободу, читают 5-ю строфу из его произведения «Хаджи Димитр», а 7-я строфа выгравирована золотом на стене Сорбонны (там же: 8).

Очевидно, что одно из лучших поэтических творений Христо Ботева заслужило право быть переведенным с болгарского языка, чтобы получить признание и других народов. Это произведение посвящено реальному историческому лицу, современнику автора: Хаджи Димитр (1840–1868) – герой национально-освободительной борьбы болгар, предводитель повстанческого отряда, погибший в бою с турками. Поэт изображает смерть близкого ему по духу человека, и символично, что менее трех лет спустя похожая участь постигнет его

¹ Выбор темы и разработка материала осуществлены совместно с С.Ю. Королёвой.

самого: находясь в повстанческом лагере на горе Враца, он погибнет от пулевого ранения в грудь.

Кратко охарактеризуем содержание и поэтические особенности баллады Х. Ботева. Для произведений этого жанра объем текста можно назвать средним, он составляет двенадцать четверостиший (с перекрестной рифмовкой строк). Сюжетность баллады ослаблена: поэт изображает сцену смерти тяжело раненного героя. Характерные черты излюбленного поэтами-романтиками жанра проявляются в ориентации на образы и мотивы национального фольклора, а также в фантастичности изображаемых событий. Страдания одиноко умирающего воина пытаются облегчить сначала дикие звери и птицы (волк, орлица, сокол), а потом и мифологические девы – *самодивы*. Когда они улетают, чтобы выполнить последнюю просьбу юнака, он вновь остается один под палящим солнцем (Ботев: электрон. ресурс).

Для этого и некоторых других произведений Х. Ботева характерна ориентация на язык, образы и мотивы болгарского устного народного творчества. Специфика фольклоризма, представленного в поэзии Х. Ботева, охарактеризована в статье Х. Вакарелского «Ботев и народная песня» (1928). По наблюдениям исследователя, влияние народной песенной лирики на творчество этого поэта проявляется в простоте языка, использовании типичных для фольклора эпитетов и сравнений, в приеме повтора, в выборе размера и ритма (Вакарелски, 1928: 58). Автор подчеркивает, что «всё это не собрано нарочно, а спонтанно излито из души», при этом поэт не подражает народной поэзии внешне и «не повторяет ее, а вживается в ее формы и пересоздает их» (там же: 58-59)². По всей видимости, Х. Ботев был хорошо знаком с «атмосферой юнацких [и] гайдуцких песен», поэтику и настроение которых он наиболее ярко воспроизвел в «четырёх гимнах болгарским гайдукам» – так Х. Вакарелский называет четыре известных произведения Х. Ботева («На прощаване», «Хайдуги», «Запад се облак тъменъ»), в число которых включает и балладу «Хаджи Димитъръ» (там же: 58-59).

На фольклоризме произведений Х. Ботева мы остановились потому, что передача этого аспекта поэтики становится одной из важных задач, неизбежно встающих перед его переводчиками.

Произведения болгарского поэта-революционера переведены на английский, французский и целый ряд славянских языков: русский,

² Показательно, что из чуть более 20 сохранившихся поэтических текстов Х. Ботева несколько стали народными песнями и позднее фиксировались собирателями как в устной форме, так и в многочисленных списках (Вакарелски, 1928: 59; Ботев, Христо: электрон. ресурс).

украинский, белорусский, словацкий и др. (Ботев, Христо: электрон. ресурс). Что касается баллады «Хаджи Димитр», всего нам удалось найти семь ее стихотворных переводов на русский язык. Самый первый из них принадлежит перу Леонида Богаевского, он был выполнен в 1878 г. и представляет собой, скорее, поэтическое переложение исходного текста (произведение разбито на 3 строфы из 5-ти, 6-ти и 4-х строк, лишено рифмы и производит впечатление фрагмента) (Богаевский: электрон. ресурс). Среди прочих – переводы Александра Борисова, Александра Руденко, Всеволода Кузнецова, Алексея Суркова, Инессы Соколовой и Димитра Ганева. Мы остановились на вариантах А. Суркова и А. Борисова как наиболее ярких с художественной точки зрения и именно им уделяем основное внимание при сравнительном анализе. Выбранный нами перевод баллады на английский язык выполнен Томасом Батлером (Butler: electronic resource).

Обратимся к началу баллады, где поэт задает эмоциональный тон, обозначает место действия и характеризует героя. Вот как это делает Х. Ботев (здесь и далее курсив в цитатах наш – Г.Ш.):

Жив е той, жив е! Там на Балкана,	‘Жив он, жив! Там, на Балканах,
потънал в кърви, лежи и пьшка	потонул в крови, лежит и стонет
юнак с дълбока на гърди рана,	юнак с глубокой раной в груди,
юнак във младост и в сила	юнак во младости [лет] и в мужской
мъжка	силе ³

(Ботев: электрон. ресурс)³

В первой строфе подчеркивается сила духа, отвага героя. Он еще молод, но уже успел проявить себя доблестным воином, что показывают выделенные слова, казалось бы, контрастные по смыслу. Получается, что важной составляющей образа воина выступает его молодость. Но она же определяет трагизм произведения – война забирает полных сил, еще не успевших пожить юношей.

В русском переводе А. Борисова контрастность характеристики сохраняется и даже подчеркивается с помощью противопоставления: герой – «юнак могучий, годами *юный*, но с сердцем *мужа*» (Борисов: электрон. ресурс), – в то время как в варианте А. Суркова, как и в поэтическом первоисточнике, подобное противопоставление отсутствует: «в *расцвете силы* юнак могучий» (Сурков: электрон.

³ Далее болгарский текст баллады цитируется по этой публикации.

ресурс)⁴. Обращает внимание, что переводчики стараются сохранять те же самые семантически «нагруженные» слова, как в оригинале, либо используют однокоренные (*сила, муж*), что оказывается возможным благодаря родству русского и болгарского языков. Кроме того, в обоих переводах в первой строфе герой назван *юнаком*, как и у Х. Ботева. Это слово в русском литературном языке обозначает героя южнославянского эпоса и связывается с борьбой против турецкого владычества (Крысин, 2000: электрон. ресурс), – что создает для русскоязычного читателя балканский колорит баллады.

Близким к оригиналу с точки зрения передачи языковых средств является и перевод на английский язык, выполненный Т. Батлером. Он заменяет слово *юнак* более универсальным словом *hero* ‘герой’, не имеющим инокультурного семантического ореола, но в остальном при описании центрального образа повторяются ключевые слова оригинала:

A hero lies with a deep wound in his chest,	‘Герой лежит с глубокой раной в груди,
A hero in his youth, in his prime.	Герой в его юности, в расцвете сил’
(Butler: electronic resource) ⁵	

Во второй и третьей строфах баллады Х. Ботева происходит детализация описания. Упоминается лежащее рядом с неподвижным героем оружие, характеризуется состояние умирающего юнака, возникает лейтмотив палящего солнца:

На една страна захвърлил пушка, на друга сабля на две строшена; очи темнеят, глава се люшка, уста проклинат цяла вселена!	‘С одной стороны бросил ружье, с другой сломанную надвое саблю; в очях темнеет, голова качается, уста проклинают всю вселенную!
--	--

Лежи юнакът, а на небето слънцето спряно сърдито пече; жътварка пее нейде в полето, и кръвта още по-силно тече!	Лежит юнак, а на небе Солнце сердито печет; жница поет где-то в поле,
--	---

⁴ Далее переводы А. Борисова и А. Суркова цитируются по этим публикациям.

⁵ Далее перевод баллады, выполненный Т. Батлером, цитируется по этой публикации.

и кровь еще сильнее течет!»

В переводах этого фрагмента появляются незначительные расхождения с оригиналом, как, например, «разбита пулей его *винтовка*» (А. Борисов) и «отбросил влево *мушкет* свой грубый» (А. Сурков). Сабля, сохраненная в русских переводах, на английском звучит как «his broken *sword*» ‘его сломанный меч’, – т. е. замечен прием генерализации, замены узкого понятия более широким⁶.

А. Сурков – известный советский поэт и военный корреспондент, обладающий собственным художественным стилем, – добавляет во вторую строфу некоторые нюансы, отсутствующие в оригинале, с целью усилить воздействие на читателя:

в очах *клубится туман кровавый*,
мир проклинаят *сухие губы*.

В третьей строфе, помимо героя, появляются образы окружающего мира, создающие особую атмосферу и настроение. Интересное решение при их передаче находит современный поэт и переводчик А. Борисов: он сохраняет в тексте болгарское слово *жетварка* ‘жница’ (которое, как можно предполагать, посчитал интуитивно понятным русскоязычному читателю), при этом вводя дополнительную подробность: жница не просто поет, а «поет печально о женской доле». Стоит признать удачным введение анафорического союза *И* (подобные повторы соответствуют стилю славянской фольклорной лирики) и отметить точную передачу смыслов, заложенных в третьей и четвертой строках этой строфы:

Проходит с песней своей жетварка,
Поет печально о женской доле.
И солнце светит на небе *жарко*,
И кровь из раны течет *всё боле*.

В английском варианте мы видим не менее яркий и при этом более субъективный эпитет: «the *angry sun bakes down*» ‘разгневанное солнце печет’, – что лучше отражает боль и отчаяние героя, в своих страданиях проклинаящего мир.

⁶ В английском языке словом *sword* обозначаются и другие виды холодного оружия: шпага, рапира, шашка, сабля.

раны;
и спутник смелого – сокол-птица
–
о нем печется, как брат названный
(А. Сурков)

И ясный сокол, юнака птица,
Как брат над братом круги всё
нижет
(А. Борисов)

В переводе Томаса Батлера ощущение родства с природой подчеркивается в одной строфе дважды: «a *mother eagle*» ‘мать-орлица’ и «a *falcon – heroic bird – keeps watch over her brother hero!*» ‘сокол – героическая птица – следит за ее братом-героем’.

Любопытна также передача с болгарского на другие языки образа самодив – женских фантастических существ южнославянского фольклора, которые, согласно отраженным в различных жанрах представлениям, могут как помогать человеку и приносить ему добро, так и мстить за причиненные им обиды (Славянская мифология, 1995: 309).

Томас Батлер заменяет самодив на более понятных англоязычному читателю персонажей – нимф. Эти существа, восходящие к античной мифологии, постепенно приобретают в европейской традиции условно-литературный и потому более универсальный характер. Переводя балладу Х. Ботева, Батлер называет самодив «лесными нимфами», бережно сохраняя чистый, светлый образ, заложенный автором:

And *wood nymphs* in white array
Lovely, beautiful, take up the
song...

‘И лесные нимфы в белом
одеянии,
милые, прекрасные, заводят
песню’

Сходным образом поступили и некоторые переводчики баллады Х. Ботева на русский язык, к примеру Леонид Богаевский и Всеволод Кузнецов. Первый прямо заменяет малопонятных русским читателям самодив на более известный им фольклорный образ – *русалок*: «И *русалки* в белом одеянии / Чудныя, прекрасныя песни запоют» (Богаевский: электрон. ресурс). Второй поступает несколько иначе, объясняя один образ через другой, в результате чего персонажи двух национальных фольклорно-мифологических систем предстают как тождественные: «И *самодивы* в одеждах белых, / По нежным травам едва ступая, / Слегка коснутся большого тела <...>. / Одна *русалка* врачует нежно...» (Кузнецов: электрон. ресурс). По-видимому, подобной замене способствовало то обстоятельство, что еще в начале

XIX в. в поэтической системе русского романтизма русалка, став популярным литературным образом, во многом начала утрачивать прямую связь с фольклором и приобрела условно-поэтический характер.

На этом фоне значимым выглядит решение переводчиков оставить болгарское наименование мифологических дев:

И <i>самодивы</i> в одеждах белых, светлы, прекрасны, встают из мрака, по мягким травам подходят смело, сядятся с песней вокруг юнака	И <i>самодивы</i> в одеждах белых, С чудесной песней в цветных нарядах, Средь трав высоких зеленых, спелых, У изголовья тихонько сядут
(А. Сурков)	(А. Борисов)

Сложно, однако, говорить, является подобное решение более удачным или нет. С одной стороны, в нем проявляется бóльшая близость к оригинальному тексту баллады, с другой – если читатель незнаком с южнославянским фольклором (или литературой, использующей фольклорные сюжеты и мотивы), то образ самодив в балладе останется для него несколько смутным, лишенным отчетливого значения, идущего из народной традиции.

В произведении Х. Ботева мифические девы приходят облегчить страдания умирающего героя, пытаются исцелить его:

Една му с билки раната върже, друга го пръсне с вода студена, третя го в уста целуне бърже	‘Одна ему травами перевязывает рану, Другая его спрыскивает водой студеной, Третья его в уста целует быстро’
--	--

В переводах разнятся лишь отдельные нюансы и смысловые акценты, которые используют переводчики при описании врачующих героя див. Вот вариант А. Суркова:

Травую раны одна врачует,
водой студеной кропит другая,
а третья в губы его целует
с улыбкой милой – *сестра родная*.

В то время как у А. Борисова мы видим другие оттенки смысла, связанные с возможностью трактовки оригинала. Здесь герой предстает как возлюбленный, жених мифических дев⁷:

Целует третья *на брачном ложе*.
Он их коханий, он их *влюблённый!*

Однако уже в следующей строке переводчик возвращается к изначальному слову-определению и следует оригиналу: «Скажи, *сестрица*, где друг Караджа?» (в оригинале – «Кажи ми, *сестро*, де – Караджата?»)⁸.

В этой же строфе на первый план вновь выходит тема смерти. Прося самодив узнать о судьбе товарища и соратника, юнак взамен обещает им свою жизнь:

Кажи ми, пък ми вземи душата, – ‘Скажи мне, возьми же мою
аз искам, сестро, тук да загина! душу, –
Я хочу, сестра, тут погибнуть’

Смысловое отступление А. Борисова в данной строфе продиктовано желанием сделать акцент на несломленном духе героя:

Пока дышу я – *душа отважна*
На освященной родной земле!

Для сравнения те же строки в трактовке А. Суркова:

Душа юнака – моя *расплата*, –
пусть, бездыханный, я *здесь остыну*.

Очень близко к оригинальному тексту и видение Томаса Батлера: в английской версии перед читателями предстает герой, не боящийся смерти, готовый принять ее, зная, что его дело продолжит жить в сердцах других:

Tell me – then *take my soul* – ‘Скажи мне – потом возьми мою

⁷ Ср. архаичную славянскую мифопоэтическую аналогию смерти в бою и свадебного пира.

⁸ Стефан Караджа (1844–1868) – вождь повстанческого отряда, перешедшего с отрядом Хаджи Димитра из Румынии в Болгарию для борьбы с турками. После разгрома партизан попал в плен, был приговорен к казни в г. Русе, но скончался от ранений.

I want to die here, sister!

душу –

Я хочу умереть здесь, сестра!’

Наконец, последнее четверостишие баллады вновь возвращает нас к началу, замыкая события в своеобразный цикл и подводя итог:

Но съмна вече! И на Балкана
юнакът лежи, кръвта му тече, –
вълкът му ближе лютата рана,
и слънцето пак пече ли – пече!

‘Но уже рассвет! И на Балканах
юнак лежит, его кровь течет, –
волк ему лижет лютую рану,
и солнце снова печет и печет’

Вновь читатель возвращается к образу беспощадного солнца, но вместе с тем заря символизирует новое рождение. Автор умело сочетает в последних строках горечь и гордость, отчаяние и надежду.

Из всех переводчиков А. Борисов – единственный, кто в этой строфе употребляет сочетание «героев раны» во множественном числе, в очередной раз подчеркивая единство и сплоченность болгарского народа. Этот тот самый случай, когда переводческое решение привносит в поэтическое звучание текста новые ноты:

Зря восходит! И на Балканы
Юнак приходит. Вновь кровь стекает.

И волки лижут героев раны.
А солнце в небе печет – играет!

А. Сурков, в свою очередь, прибегает к более экспрессивным образам, подчеркивая физические страдания не сломленного духом героя:

Но ночь уходит... И на Балканах
лежит отважный, кровь *бьет потоком*,
волк наклонился и лижет раны,
а солнце с неба *палит жестоко*.

Английский вариант последней строки произведения «And the sun bakes on... *and on!*» ‘И солнце печет бесконечно!’ также оставляет после себе неоднозначные впечатления, сочетая мотивы конечности человеческой жизни и в тоже время бесконечности жизни в более широком ее понимании.

Проблематика, связанная с поэтическими переводами, безусловно сложна. Тем не менее мы можем сделать некоторые выводы о качестве переложений баллады «Хаджи Димитр» на русский и английский языки и мастерстве переводчиков. Всем им удалось преодолеть субъективизм и уловить атмосферу произведения. На наш взгляд, наиболее близок к оригиналу англоязычный вариант – как с точки зрения использованных языковых средств, так и по передаче смысловых оттенков. Однако у перевода Т. Батлера есть существенный недостаток: отсутствие рифмы, – в то время как русскоязычные переводы повторяют ритмическое звучание первоисточника, обладают четкой рифмой и сохраняют перекрестный тип рифмовки. Если же сравнивать переводы А. Борисова и А. Суркова между собой, то можно сказать, что первый отличается большей вольностью смысловой трактовки, тогда как второй характеризуют яркие и запоминающиеся художественные приемы. Чем субъективнее трактовка, тем сильнее отражается в тексте личность переводчика, – но важно помнить, что его основная задача заключается в том, чтобы творческое самовыражение не помешало восприятию авторского оригинала.

Литература:

- Богаевский, Леонид Г. (пер.). Хаджи Димитр [Перевод баллады Х. Ботева]. <http://www.stihi.ru/2012/08/15/38%C2%A0> (дата обращения: 03.08.2018).
- Борисов, Александр А. (пер.). Хаджи Димитр [Перевод баллады Х. Ботева]. <http://www.stihi.ru/2012/08/15/38%C2%A0> (дата обращения: 03.08.2018).
- Ботев, Христо. Хаджи Димитъръ. <http://www.litclub.com/library/bg/botev/poezia/hd.htm> (дата обращения: 03.08.2018).
- Ботев, Христо. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Ботев,_Христо (дата обращения: 02.08.2018).
- Вакарелски, Христо. 1928. Ботев и народната песен. В: *Българска реч*. No 3(2). С. 58-61.
- Вопросы теории художественного перевода. 1971. Лейбович С. (ред.). Москва: Художественная литература.
- Караиванов, Никола. 2011. Великий болгарский поэт. В: *Наше поколение*. No 6(41). С. 7-11.
- Кашкин, Иван А. 1977. Для читателя-современника. Статьи и исследования. Москва: Советский писатель.
- Крысин, Леонид П. 2000. *Толковый словарь иностранных слов*. Москва: Русский язык. <http://yuroky.net/slovari/slovar-krisin-l-p-tolkoviy-slovarino-yazichnih-slov/> (дата обращения 04.08.2018).

- Кузнецов, Всеволод М (пер.). Хаджи Димитр [Перевод баллады Х. Ботева].
<http://www.stihi.ru/2012/08/15/38%C2%A0> (дата обращения: 03.08.2018).
- Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 1995. В.Я. Петрухин и др. (ред.). Москва: Элис Лак.
- Сурков, Алексей А. (пер.). Хаджи Димитр [Перевод баллады Х. Ботева].
<http://www.stihi.ru/2012/08/15/38%C2%A0> (дата обращения: 03.08.2018).
- Butler, Thomas (transl.). Hadzhi Dimitar [The translation of H. Botev's ballad].
<http://www.slovo.bg/showwork.php3?AulD=2&WorkID=3166&Level=1> (дата обращения: 03.08.2018).